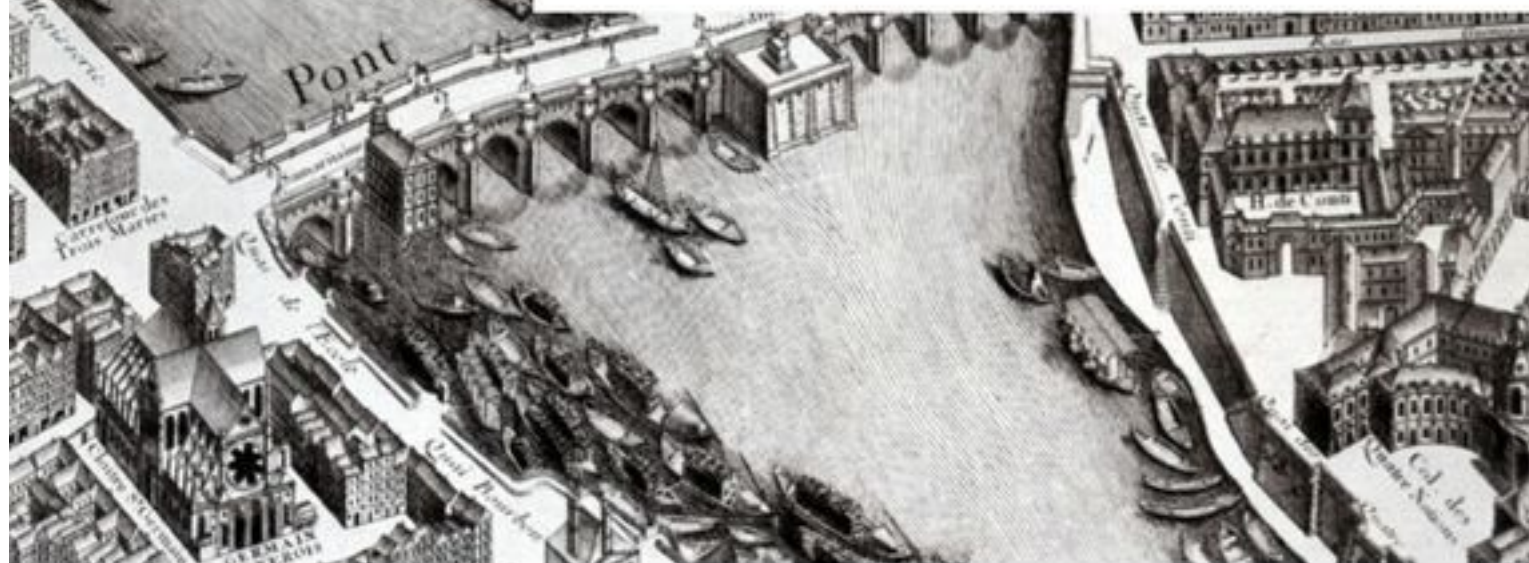

Аполлон Безобразов

Собаки на Сене

Аполлон Безобразов

Собаки на Сене

«Издательские решения»

2015

Безобразов А.

Собаки на Сене / А. Безобразов — «Издательские решения»,
2015

«Собаки на Сене» – трагическое путешествие по парижской Сене. Месяцы унылых передвижений на барже по водам реки оборачиваются прозрением лирического героя и осмыслением им личной драмы. Оказывается, иногда мы не знаем о том, что с нами уже произошло.

Собаки на Сене

Печальное путешествие

Аполлон Безобразов

© Аполлон Безобразов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Из тех месяцев, что мы жили на барже, я лучше всего запомнил бесконечный дождь, миазмы Сены, затхлый запах отсыревшей древесины и несвежих носков. Дождь шел сутки напролет. Сколько это продолжалось? Вечность. Так не свойственно Парижу и так естественно для нас с тобой. Дождь баюкал, дождь раздражал, заставлял кутаться в свитера и шали, делал все призрачным и сюрреальным. Постоянный насморк и боль в горле, холодные влажные ноги, посиневшие губы и парок изо рта – это то, что я помню лучше всего из того мгновения вечности. Приходилось экономить на топливе: не так уж много дров и угля оставила нам хозяйка этой развалины. Мы дрейфовали от причала к причалу, не останавливались подолгу на одном месте. Нехитрую снедь и вино мы покупали у береговых торговков, реже – выходили на набережные. Еда – не всегда свежая, коньяк (а уж тем более вино!) – часто разбавлен. Но это был наш с тобой рай. То время, где мы остались навсегда. Те месяцы длятся до сих пор. Осколки тех моих розовых очков я храню в конверте из плотной бумаги.

Абсолютно голые, свежeweымытые и выбритые мы лежали на своем матрасе под всем этим тряпьем, которое досталось нам в наследство от прежних обитателей баржи. В изголовье – три огромных белых свечи. Ты – на спине – что-то мурлыкал под аккомпанемент своего mp3-плеера. Я – на животе, на локтях – в который раз перечитывал Миллера (единственная книга на русском, которую я соизволил взять с собой – увесистый второй том «Розы распятия», с шестой главы «Плексуса»). Фоном – бесконечная влага, висящая в уже прохладном воздухе, хлюпающая по реке, стучащая по жестяной крыше, просачивающаяся кое-где, но влага здешняя, только наша, ничья больше.

Часам к двум ночи ты избавлялся от наушников и почти сразу же начинал сопеть. Твой, по-детски скорый и глубокий, сон окутывал тебя всего, успокаивал и примириал. Периодически – вздохи, какие-то почти всхлипы и стоны, невнятные возражения и забавные позы. В этой тесноте нашего незамысловатого ложа мы раскалялись друг на друге, становились влажными и липкими. Хотелось отстраниться друг от друга, но, наоборот, объятия становились еще крепче, ноги сплетались в узлы, носы и рты (невинная струйка слюны!) утыкались в шеи, уши и подмышки. Мы пропитывались друг другом. И, конечно, дождем, унылыми сигналами проходящих суденышек, шумом с берега, гнилостными запахами Сены и палой листвы.

Свечи я обычно задувал, когда занимался рассвет. Даже не рассвет, а эта необыкновенная серая, полупрозрачная, мутноватая пора. Часто все становилось белым от поднимающегося с реки пара и тумана. Три-четыре моих выдоха и помещение заполнялось таким сладким запахом потухших свечей и остывающего воска. Это напоминало детство и новогодние каникулы. Все пропитывалось волшебством и сказкой. Даже чудился запах елки и шоколада. Хотя... какой уж тут шоколад!

Растревоженный этим ароматом, ты на мгновение просыпался и сгребал меня в охапку, буквально подминая меня под себя. Мою шею щекотало твое горячее, кисловатое со сна дыхание. Я тихонько начинал выпрашивать:

– Саша... Саша... (ударение, конечно же, на последнем слове)

Ты мычал и, наверное, начинал сердиться. Впрочем, ты никогда не говорил мне, что этот предрассветный ритуал раздражает тебя.

– Саша, Аполлинер...

Ты с шумом выдыхал и говорил:

– Спи, – и крепче прижимался к моей спине (горячий пах у ноги, птичка сердца в правой руке), так и не прочитав мне на сон грядущий. Этого и не требовалось – просто сонный ритуал, чтобы скрепить объятия. А когда мы проснемся, будут и Аполлинер, и Верлен, и Бодлер. И все в оригинале, с твоим нарочитым грассированием, почти неуместным здесь, но так забавляющим меня.

А пока я засыпаю под нестройную музыку дождя и сладкий аромат остывающих свечей. И мне уже снится совсем другая реальность, которую я сочиняю для нас:

«Теоретик любви. Не практик, не отчаянный экспериментатор. Просто погрязший в своих размышлениях, принявший мысли за реальность, проживающий радужные дни в воображении, как в компьютерной игре. Делающий правильные ходы, получающий призы и бонусы. Но... не на самом деле, только в мечтах. Во снах. В видениях. На бумаге. На мониторе. Сотни текстовых документов, архивов, записных книжек, обрывков бумажных... На самом деле, в реальности – ни движения рукой, ни вдоха настоящего, ни слезиночки... Весь этот выдуманный любовный трепет, ночной сбивчивый шепот, дрожь в руках, во всем теле... Всего этого нет в действительности, но оно настолько мне дорого, настолько оно мое, мое самое настоящее, мое драгоценное, мое единственное, что есть у меня... Все мои многоточия... Мои запятыя, восклицания. Ненавижу точки! В жизни все может закончиться, может закончиться сама жизнь. На бумаге же, в мыслях моих – все вечно. Ты не предашь меня, не обидишь ничем. Там мы всегда будем вместе... Там никто до нас не доберется, не сможет помешать нам любить друг друга. Не покажет нам, что за окном уже весна со всем ее сифилитическим разложением, гнилью ее оттаявшей. Мы вечно будем верить в зиму, кутаться в одеяло, обнимать друг друга, дышать друг другу в спину, на ухо, чувствовать руки, холодные ноги... Нам так хорошо вдвоем в этой вечной зиме, в этой бесконечной спячке. В мертвой тишине натопленного дома (только треск дров в печи да капли из умывальника). Нет этой пошлой красочности, ядовитой зелени, теплых дождей, такого синего неба, что глаз не поднять... Нет внешнего. Только я и ты. И наше дыхание... И глаза еще сонные. Улыбающиеся. Кривящиеся уголки рта. Сухие утренние поцелуи.

Моя теория – дороже мне моей практики. Мечта милее мне действительности. Мои фантазии реальней моей реальности! Мои слова произнесенные емче слов ежедневных, постылых, бессмысленных. Троекратно прокричать вслух «я люблю тебя» – ничто рядом с внутренним шепотом «я люблю тебя»... Это всегда будет звенеть в моей голове, не лопнет в воздухе мыльным пузырем. Любой жест приятней, правдивей, когда он сделан мысленно. Мне смешны движения рук наяву. Мне смешны взгляды кроткие, нелепо повисшие или застывшие в воздухе, не нашедшие себе места руки... Все это так бессмысленно. Жутко бессмысленно. Жестоко бессмысленно. Мне страшно без смысла... а его не передать вслух, не облечь в текст... Он во мне. Как и ты. Ты и есть мой смысл. В реальности тебя нет, внутри меня же... только ты. И немного, совсем чуть-чуть меня...»

Было около четырех часов дня, когда мы проснулись, разлепили склеенные похмельным потом тела, продрали зенки. Голова моя была пустой как чугунок, и такой же тяжелой. Тошнота, смрад, отекаящая рожа. Я покосился в угол на почти пятилитровую бутылку с адским пойлом, которое мы пили полночи – не то бренди, не то ром, впрочем, эффект совершенно невероятный, так что ни на что этот напиток не похож – и вспомнил, что мы снова подрались. С чего все началось-то? Помню лишь, что в самом начале попойки, разговор был натянутым,

с нотками-ноготками взаимных обид и упреков. Полное непонимание друг друга. Мы говорим на разных языках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.